

Евгений БЕРКОВИЧ

ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ И БЕЗГРАНИЧНОСТЬ НЕПОНИМАНИЯ

Полемика Томаса Манна с Якобом
Вассерманом по еврейскому вопросу

Отношение Томаса Манна к еврейскому миру стало предметом исследований лишь в XXI веке — спустя пятьдесят лет после смерти писателя. То, что в советское время эта тема замалчивалась, неудивительно. Тогда даже упоминание слова «еврей» в печати было событием. В превосходной биографии Томаса Манна, написанной переводчиком и крупным знатоком его творчества Соломоном Аптом, изданной в серии «Жизнь замечательных людей» в 1972 году, это слово встречается на всех 352 страницах всего четыре раза [Апт, 1972]. Конечно, составить представление об отношении Манна к острому еврейскому вопросу, волновавшему писателя всю сознательную жизнь, по такой монографии невозможно.

О двойственном отношении писателя к еврейскому вопросу начали серьезно говорить только в XXI веке (см., например, мои недавние работы в журналах «Нева» и «Вопросы литературы»: [Беркович, 2016], [Беркович, 2018], [Беркович, 2018a]).

Томас Манн разделял распространенные в его время предрассудки в отношении евреев, недооценивал опасность немецкого антисемитизма, верил в существование если не «еврейской расы», то мифического «еврейского элемента», сплотивавшего всех потомков Авраама в единый род.

Наиболее отчетливо эти стереотипы в отношении евреев проявились во время непродолжительной, но очень многозначительной полемики Томаса Манна с его коллегой Якобом Вассерманом в 1921 году.

* * *

Имя писателя Якоба Вассермана мало что говорит современному читателю, хотя роман *«Каспар Хаузер»* и некоторые другие его книги до сих пор издаются и в Германии,

Евгений Михайлович Беркович — публицист, историк науки и литературы, издатель. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук (Германия). Создатель и главный редактор журнала «Семь искусств» и ряда других сетевых изданий. Автор книг «Заметки по еврейской истории» (М., 2000), «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста» (М., 2003), «Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века» (М., 2017), «Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (М., 2018) и др. Публиковался в журналах «Нева», «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Человек» и многих других изданиях.

и в России. В конце XIX и начале XX века книги Вассермана выходили огромными тиражами в разных странах, это был один из самых известных писателей того времени. Достаточно сказать, что в 1921 году количество опубликованных его книг достигло пятнадцати, при этом «*Каспар Хаузер*» вышел уже двадцать четвертым изданием, «*Человечек с гусями*» («*Das Gänsemännchen*») — семьдесят вторым, «*Кристиан Ваншаффе*» — сорок шестым [Mann, 2002d, с. 241]. Эрих Мария Ремарк, обсуждая в очерке 1925 года читательский успех различных писателей, приводит такие тиражи книг Вассермана: «*Человечек с гусями*» — 280 тысяч, «*Кристиан Ваншаффе*» — 51 тысяча экземпляров [Ремарк, 2014]. Для того времени это немалые тиражи!

В большом очерке «*Парижский отчет*» («*Pariser Rechenschaft*»), опубликованном в 1926 году, Томас Манн пишет:

Популярность Вассермана в Америке чрезвычайно велика; он обязан ей прежде всего социал-религиозными сюжетами в своей «фабрике грез» и еще больше тем, что его творения безусловно и точно соответствуют жанру романа, писатель обладает даром сочинительства, которым он нас всех поражает [Mann, 1960b, с. 97].

Дружеские отношения между писателями установились давно, еще в пору первых литературных опытов Томаса Манна. В «*Застольной речи в честь Вассермана*» («*Tischrede auf Wassermann*»), произнесенной и опубликованной в 1929 году, Томас вспоминал, как в 1896 году именно Якоб вручил ему первый писательский гонорар — за новеллу «*Воля к счастью*», напечатанную в недавно созданном журнале «*Simplicissimus*», куда Вассермана незадолго до этого взяли сотрудником [Mann, 1984, с. 400]. Работа в журнале буквально спасла будущего автора «*Каспара Хаузера*»: Вассерман в прямом смысле слова погибал от голода. От той поры нищеты у писателя на всю жизнь остался диабет — болезнь, связанная с нарушением обмена вещества и приведшая его к смерти в шестьдесят лет. С бедностью связан и его очень мелкий почерк, который он приобрел, чтобы записывать тексты на полях бесплатных газет — на нормальную писчую бумагу у него не было денег.

В 1898 году Вассерман женился на Юлии Шпайер (Julie Spreyer), дочери богатого венского предпринимателя. С этого момента писателю больше не нужно было думать о деньгах для хлеба насущного, и он полностью отдал себя литературе. Большею частью Вассерман жил в Вене, где подружился с ведущими австрийскими писателями. Особенно популярным он стал в Веймарской республике, читателям того времени были по душе блеск, изощренность и виртуозность писательского стиля Вассермана.

Его успех у немецкой публики был бы еще грандиознее, если бы он отказался от своего происхождения, перестал бы подчеркивать, что он еврей. Сделать это было бы нетрудно: внешне Вассерман не был похож на того карикатурного еврея, изображения которого потом заполняют нацистскую газету «*Stürmer*». Люди, которым он признавался в своих еврейских корнях, часто удивлялись — настолько его поведение и облик не совпадали с их представлением о том, как должен был поступать и выглядеть еврей.

Для антисемитов Вассерман представлял собой необъяснимый феномен. Ходили даже слухи, что у него есть предки христиане, так что в смысле расы он не вполне еврей.

И в своем творчестве Вассерман оставался загадкой для тех, кто был уверен в особенностях «еврейского стиля» в литературе. Еще со времен Рихарда Вагнера у антисемитов считалось, что еврей — не творец, а подражатель, не патриот, а космополит, он пишет язвительно и желчно, стараясь не укрепить, а разрушить общество, в котором живет. Ничего этого у Вассермана не было, что вводило в заблуждение даже таких откровенно расистски настроенных критиков, как Адольф Бартельс, которого упоминал Томас Манн в эссе «*Решение еврейского вопроса*» (1907). Бартельс вынужден был

похвалить Вассермана и признать за его романами высокое художественное достоинство, хотя это и не соответствовало пропагандируемой им теории о неразрывной связи литературы с «кровью и почвой».

Путь Вассермана к славе одного из самых читаемых немецких авторов был долгим и трудным. Писатель прошел его, не пытаясь сделать путь короче и легче. Добиться этого было бы просто: нужно было креститься и согласиться с мнением, что среди его предков были чистокровные арийцы. Это быстро добавило бы ему новых восторженных почитателей. Но Вассерман не сделал ни того, ни другого. Он пошел на трудности сознательно, добиваясь для себя ответа на мучивший его вопрос: можно ли быть одновременно и немцем, и евреем? Он как бы поставил над собой эксперимент длиной в жизнь и тщательно фиксировал все свои попытки стать, «как все», и ответы общества, вновь и вновь напоминавшего ему, что он «другой».

Итогом эксперимента стала книга *«Мой путь как немца и еврея»* («Mein Weg als Deutscher und Jude») [Wassermann, 1987 (erste Ausgabe 1921)], вышедшая в свет в 1921 году и через два года переведенная на русский. Основной вывод автора книги: немецкая публика никогда не принимала его как своего, так как всегда видела в нем еврея, а не немецкого писателя. В конце книги Вассерман формулирует десять горьких утверждений о немцах, каждое из которых начинается со слова «бесполезно». Вот только несколько примеров:

Бесполезно подставлять правую щеку, если ударили по левой. Это их несколько не озадачит, не обеспокоит, не обезоружит: они ударят и по правой.

Бесполезно вести себя примерно. Они скажут, мы ничего не знаем, ничего не видели, ничего не слышали.

Бесполезно идти среди них и предлагать им свою руку. Они скажут: что он со своим еврейским нахальством хочет с них что-то получить.

Бесполезно жить и умереть за них. Все равно они скажут: он еврей [Wassermann, 1987 (erste Ausgabe 1921), с. 129].

Отношения Томаса Манна и Якоба Вассермана всегда оставались дружескими, бывая в Мюнхене, Якоб обязательно навещал Томаса и Катю в их вилле на Пошингерштрассе. Новую книгу Вассермана Томас прочитал буквально через несколько дней после выхода ее из типографии — издатель Самуил Фишер прислал экземпляр своему постоянному автору. В дневнике за 30 марта 1921 года Манн помечает: *«Читал автобиографический текст Вассермана»* [Mann, 1979, с. 497].

Книга задела Манна за живое. Выводы Вассермана не соответствовали его взглядам «на еврейский вопрос», поэтому в дневнике от 3 апреля появилась запись, что он вчера после обеда *«начал обширное письмо Вассерману, прервав работу над романом, сегодня утром письмо закончил»* [Mann, 1979, с. 498].

Это письмо вначале носило частный характер, но после смерти Вассермана было опубликовано в 1935 году его вдовой Мартой Карлвайс (Marta Karlweis) в книге-биографии ее мужа, вышедшей с предисловием Томаса Манна [Karlweis, 1935]. С позиций 1935 года Томас Манн так оценивал свое письмо Вассерману, написанное четырнадцать лет назад: *«длинное, хорошо написанное в 21-м году в духе „Размышлений [аполитичного]“ письмо от меня Якобу, непозволительно легковое в том, что касается Германии»* [Mann, 1978, с. 186].

Действительно, в письме 1921 года Томас Манн легкомысленно оценивает немецкий антисемитизм как вполне невинное явление, слабо влиявшее на жизнь писателя-еврея. Прежде всего Томас Манн убеждает своего друга, что причина его трудностей во все не в еврействе:

Я не хотел бы Вас обидеть, мое желание как раз противоположное, но порыв Вам возразить столь силен, что я в данный момент не могу себя сдерживать. Я с высоким уважением и с симпатией отношусь к Вашим субъективным переживаниям, но все ли действительно так? Не играет ли тут большую роль писательская ипохондрия? Некоторые Ваши жалобы относятся вообще к общенемецким обстоятельствам, и каждый нееврейский немецкий романист мог бы их выдвинуть [Mann, 1988, с. 475–476].

Далее автор письма подчеркивает успешность Вассермана-писателя:

Ваши природные дарования, характер и талант высоко вознесли Вас как духовно, так и социально. История, как у Вас гостил Ваш старый отец, достойна быть описанной в романе [Mann, 1988, с. 476].

Томас Манн имеет в виду трогательный рассказ Якоба об отце, бедном торговце и неудачном предпринимателе, так и не добившемся богатства, несмотря на то, что всю жизнь упорно трудился. Когда тридцатилетний Якоб пригласил отца на недельку погостить у себя, тот все время тихо удивлялся, а на прощание сказал: «*Это был первый отпуск в моей жизни*». Через восемь дней после возвращения домой он умер. Ему было пятьдесят шесть лет [Wassermann, 1987 (erste Ausgabe 1921), с. 11].

Продолжая письмо 1921 года, Манн напоминает, что имя Вассермана сияет на небосклоне немецкой литературы, его романы заслуженно имеют громадный успех у публики. Так на что же жаловаться писателю? Томас убежден, что с такими же трудностями и проблемами, с которыми Вассерману приходится сталкиваться, знаком каждый художник, каждый писатель. Творческая личность поневоле ощущает одиночество, поэтому ссылаться на еврейство как причину отчужденности от общества необоснованно. Более того, еврейскому писателю еще повезло, так как еврейские читатели в своей массе более чувствительны, лучше понимают юмор и романтические переживания, описанные автором, чем медлительные и менее сообразительные коренные немцы [Mann, 1988, с. 477].

Конец письма содержит ту самую «непозволительно легковерную» оценку Германии, о которой Томас Манн сожалел в 1935 году:

Существует ли вообще эта национальная жизнь, из которой еврея якобы пытаются вытеснить, в отношении которой ему могли бы выказывать недоверие? Может ли Германия, такая космополитичная, какой она является, все принимающая, все пытающаяся переработать, имеющая национальный характер, в котором вечно борются северное язычество и южная страстность, смешиваются западное гражданственность и восточная мистика, — может ли она быть почвой, в которой ростки антисемитизма могли бы пустить глубокие корни? [Mann, 1988, с. 475–476].

Очевидно, Томас Манн, как и многие его современники, не принимал немецкий антисемитизм всерьез. Хотя к Вассерману он относился дружески, но его автобиографическую книгу прочитал как сборник необоснованных жалоб и эгоистических сетований, вызванных «*писательской ипохондрией*». «Еврейский вопрос», по Томасу Манну, решается просто. Евреи должны полностью ассимилироваться, а если на этом пути и возникают трудности, то нужно просто запастись терпением, они скоро будут преодолены.

Подобные упрощенные взгляды и неверные оценки были распространены в опустошенной войной и революциями Европе. Для простых людей на первом месте стоял вопрос собственного выживания, а скорби и обиды какого-то национального меньшинства мало кого интересовали. Именно это настроение и отразилось в письме

Томаса Манна. Неудивительно, что оно вызвало возмущение Якоба Вассермана, на своей шкуре испытавшего все «прелести» якобы не существующего в Германии анти-семитизма.

За ответное письмо Якоб взялся сразу, как только получил послание Томаса Манна [Wassermann, 1988]. Безучастность к страданиям евреев Вассерман расценивал как возмутительное, поэтому промолчать не мог.

Свои успехи, на которые ссылается Манн, Вассерман рассматривает как результат *«тридцатилетней работы, непрерывной работы над собой, над человеком, над произведениями»* [Wassermann, 1988, с. 478]. Но главное в его письме не это. Автор книги *«Мой путь как немца и еврея»* подчеркивает, что ему важны не факты своей биографии, не собственный путь к славе и признанию. Он хотел показать типичную судьбу «чужака», стремящегося стать «своим» в стране, которая его таким не считает. Вассерман с горечью признается, что из письма своего друга он понял, что человек такого типа, происхождения, воспитания, внутренней конституции, как Томас Манн, не в состоянии понять описанный конфликт человека и общества. Разница судеб еврейского и немецкого художника, которую отрицает Томас Манн, Вассерман видит в следующем:

Вы не можете ссылаться на общую долю художника, потому что трудностей на моей стороне было вдвое больше, чем на Вашей. Если Вы были под давлением десять атмосфер, то на меня давило двадцать; если Вы должны были сражаться с дюжиной призраков, то я с двумя дюжинами [Wassermann, 1988, с. 478].

Вассерман ставит в упрек автору *«Тонио Крёгера»* полное непонимание драмы еврейского населения Германии. Герой этой новеллы раздвоен между миром отца, *«высокого, изящно одетого господина, с умными голубыми глазами»*, и миром *«черноволосой красавицы матери, привезенной когда-то «из далеких краев, расположенных в самом низу карты»* [Манн, 2011d, с. 270–271].

Но что значит эта раздвоенность по сравнению с той пропастью, которую еврей должен преодолевать изо дня в день? Пропастью между тем миром, из которого он родом, но ему уже не принадлежит, и другим миром, признания которого он хотел бы добиться, но тот его упорно не признает и постоянно в чем-то подозревает. Полностью быть принятым в этот новый мир еврею не удастся никогда.

Ссылаясь на слова Томаса Манна об успехах евреев, об их господстве во многих областях жизни современной Европы, Вассерман подчеркивает, что этот успех и это господство сопровождаются неизбывной ненавистью масс, постоянными подозрениями со стороны коренного населения. Он пишет:

Только представьте себе, какую чудовищную энергию, волю, самообладание нужно было проявить человеку, чтобы чего-то достичь. Только представьте себе, что добивается положения в обществе лишь узкий слой, в то время как 8–9 миллионов прозябает в галуте. Нужно самому помучиться в галуте, чтобы узнать, что это значит, вкусить стыд, унижение, издевательства, чтобы понять, что это такое. Иначе давать оценку было бы опрометчиво [Wassermann, 1988, с. 479].

Якоб Вассерман напоминает Томасу Манну, что уже шесть-восемь десятилетий немецкие студенты не принимают в свои союзы еврейских товарищей по обучению, объявляя их неполноценными и недостойными даже вызова на дуэль. Конечно, это можно объявить не заслуживающей внимания мелочью, пустяком, но эта «мелочь» отравляет жизнь тысячам молодых людей. Несмотря на формальное равенство в правах, общество, за редким исключением, не допускает евреев-военных до получения

офицерских званий, евреев-юристов до назначения судьями, евреев-ученых до получения профессорских кафедр [Wassermann, 1988, с. 480].

Не видеть этой несправедливости, этого ежедневного унижения, этого явного нарушения общепринятых прав гражданина может только человек, далекий от этих проблем, не испытывавший их на себе, у кого нет сострадания к «униженным и оскорбленным».

Заканчивая письмо, Вассерман подчеркивает, что он описывал в своей книге многочисленные случаи дискриминации евреев «не жалуясь, а обвиняя» [Wassermann, 1988, с. 480].

Неизвестно, ответил ли Томас Манн на письмо Вассермана, но и эта короткая дискуссия четко показала, что автор новеллы «Кровь Вельзунгов» и эссе «Решение еврейского вопроса» недооценивал антисемитизм в Германии, не видел опасности, нависающей над евреями всей Европы. Аргументы Вассермана на Томаса Манна не действовали. Он и дальше продолжал считать, что антисемитизм — маргинальное явление, нехарактерное для якобы «космополитичной Германии». В полемике с Вассерманом Томас Манн показал себя недалевидным пророком.

Учитывая мнение Томаса Манна о юдофобии в Германии, неудивительно, что в его художественных произведениях часто встречаются евреи, но практически не показаны антисемиты. Только в конце романа «Волшебная гора» на короткое время возникает комический персонаж торговца Видемана, которого читатель вряд ли принимает всерьез. Имя Видемана в романе не названо, про него только сказано:

Он носил фамилию Видеман, христианская фамилия, не какая-нибудь нечистая [Манн, 1959, с. 484].

Воинственный антисемитизм Видемана при этом всерьез не слишком осуждается, рассматривается как занятие нездорового человека:

Владеющая им навязчивая идея постепенно довела его до какого-то зудящего недоверия, до маниакальной жадности преследовать, и как только ему казалось, будто подле него таится или прячется под личиной что-то нечистое, он сейчас же выволакивал это на свет и поносил. Где только мог, он язвил, порочил, злопыхательствовал. Словом, единственным содержанием его жизни стало клеймить всех тех, кто не обладал его единственным преимуществом [Манн, 1959, с. 484].

Но и еврей Зонненшейн, возненавидевший Видемана за его колкости, показан тоже с изрядной долей издевки. Сцена драки, когда Видеман и Зонненшейн «самым самозабвенным и зверским образом сцепились друг другу в волосы», подана как жестокая детская игра:

Они колотили друг друга как мальчишки, но с отчаянием взрослых, которые дошли до драки. Они царапали друг другу лицо, нанося удары, хватали друг друга за нос или за горло, обнявшись, со свирепой серьезностью катались по полу, плевались, пинали, толкали, лупили друг друга и кипели бешенством [Манн, 1959, с. 484].

По логике автора, единственный антисемит в романе заслуживает, конечно, порицания за свое дурное поведение, но и еврей, ему противостоящий, показан ребячливым и несерьезным. Весь конфликт глазами взрослого человека заслуживает лишь иронической усмешки.

В марте 1937 года, когда гитлеровский режим уже всю раскрыл маховик антисемитской пропаганды и дело вплотную подошло к Всегерманскому погрому, вошед-

шему в историю под названием Хрустальная ночь, Томас Манн выступал в Цюрихе в клубе «Кадима». Речь называлась «К проблеме антисемитизма» («Zum Problem des Antisemitismus») и содержала чеканные формулировки, по сути, однако, не сильно отличавшиеся от тезисов в письме Вассерману, написанном в 1921 году, на заре Веймарской республики. В Цюрихе Томас говорил:

Кто-то не без основания назвал фашизм социализмом дураков. Так вот, антисемитизм — это аристократизм черни. Он сводится к простой формуле: «Я ничто, но я не еврей». Простак верит, что он действительно что-то собой представляет [Mann, 1974c, с. 481].

Писатель уверен, что антисемитизм в Германии практически отсутствует. Даже в 1943 году, когда гитлеровский режим полным ходом уничтожал евреев Европы, Томас Манн утверждал:

Никогда интеллигентный, образованный, европейски ориентированный человек в Германии не может быть антисемитом... Абсолютно неверно приписывать антисемитизм подавляющему большинству немецкого народа, что могло бы выдаваться за народную основу преступлений нацистов против евреев [Mann, 1974d, с. 496].

При таких взглядах неудивительно, что даже в позднем романе «Доктор Фаустус», вышедшем в свет в 1947 году и показывающем в художественной форме трагический путь Германии к катастрофе нацистского господства, почти ничего не говорится про преследование евреев. Германия показана практически без антисемитизма, а евреи — без Холокоста.

В отличие от художественных произведений, в публичных выступлениях и высказываниях Томас Манн безоговорочно стоял на стороне преследуемых евреев. Во время пятидесяти пяти радиорепортажей «Немецкий слушатель!», которые писатель вел в годы войны из Америки, он находил точные и безжалостные слова, осуждающие преступления немцев, в том числе и против евреев. Многие немцы до конца жизни не могли простить Томасу Манну ту правду, глаза на которую он им тогда открыл. Вот фрагмент выступления 14 января 1945 года, за несколько месяцев до окончания Второй мировой войны:

Для примирения с миром есть одно предварительное условие, с выполнением которого связано любое моральное взаимопонимание с другими народами, без выполнения этого условия вы, немцы, никогда не поймете, что с вами произошло. Это ясное понимание неискренности того, что сделал с человечеством один из постыдных учителей, обучивший Германию зверствам; это полное и безоговорочное признание ужасающих преступлений, о которых вы сегодня почти ничего не знаете, частично потому, что вас изолируют от информации, насильственно держат в невежестве, а частично потому, что вы из инстинкта самосохранения сами знание этих ужасов не допускаете до своей совести. Но это должно проникнуть в вашу совесть, если вы хотите понять и жить, и принудительная работа по просвещению, которую не надо ошибочно смешивать с пропагандой, является абсолютно необходимой, чтобы сделать вас знающими [Mann, 1996, с. 257–258].

И далее писатель показывает свою полную информированность о трагической судьбе европейских евреев:

Знаешь ли ты, кто меня сейчас слушает, о Майданеке под Люблином в Польше, гитлеровском лагере уничтожения? Это был не концентрационный лагерь, а ги-

гантская фабрика смерти. Там стояло огромное здание из камня с фабричной трубой, самый большой крематорий в мире. Когда пришли русские, ваши люди хотели его быстро разрушить, но значительные части еще стоят как памятник Третьему рейху. Более полумиллиона европейцев, мужчин, женщин и детей, были там в газовых камерах отравлены хлором и сожжены, 1400 ежедневно. Фабрика работала и днем и ночью, ее печи дымили постоянно. Уже начали строить новое здание... Швейцарской службе помощи беженцам известно еще больше. Ее доверенные люди видели лагеря в Аушвице и Биркенау. Они видели то, во что ни один нормальный человек не мог бы поверить, если бы не видел это собственными глазами: человеческие кости, бочки с известью, газовые баллоны с хлором и крематории, при этом горы одежды и обуви, которые снимали с жертв, много маленьких ботиночек, детской обуви, если ты, земляк, ты, немецкая женщина, можешь это слушать. С 15 апреля 1942 до 15 апреля 1944 только в этих двух немецких лагерях было убито 1 750 000 евреев. Откуда это число? Ваши люди вели книги учета с немецкой аккуратностью! [Mann, 1996, с. 257–258].

Как и положено мастеру, Томас Манн нашел подходящие до сердца слова о Катастрофе европейского еврейства, о преступлениях гитлеровцев и ответственности всех немцев. Поразительно, но все события Второй мировой войны не поколебали у писателя веру в то, что евреи представляют собой единый сплоченный коллектив, что существует некий общий для всех «еврейский дух».

В этом он очень напоминал антисемитов, которые тоже верили в некий «еврейский элемент», присущий каждому еврею. Только в отличие от них, считавших этот «элемент» вредоносным, Томас Манн допускал его позитивную силу и считал полезным дополнением к немецкому духу.

Подобные заблуждения высмеивал Лион Фейхтвангер еще в 1920 году, написав про антисемитов, выделявших «еврейскую литературу», как Ленард выделял «еврейскую физику», а Бибербах — «еврейскую математику»:

Само собой разумеется, что из этого получается Вавилонская башня, произвольное, лишенное смысла образование. С тем же успехом можно было бы обсуждать литературу брюнетов или близоруких [Feuchtwanger, 1956, с. 483].

Но такие аргументы не меняли ни мнений антисемитов, ни мнения Томаса Манна. В дневнике от 27 октября 1945 года писатель признается, что до сих пор не понимает, чем евреи отличаются от других людей:

Читал по вечерам о еврейском вопросе в одной рассудительной, вероятно, даже слишком рассудительной антисемитской книге рабби Бергера. Отрицает, что евреи представляют собой народ. Термин «раса» полностью скомпрометирован. Как же их называть? Ведь что-то другое есть же в них, кроме средиземноморности? Является ли это впечатление антисемитским? Гейне, Керр, Харден, Краус, вплоть до фашистского типа Гольдберга — это все один род. Могли бы Гёльдерлин или Эйхендорф быть евреями? И Лессинг не мог бы, несмотря на Мендельсона [Mann, 1986, с. 269].

Из этого высказывания уже немолодого Томаса Манна видно, что вере в особый «еврейский дух», соединяющий евреев в единый род, он не изменял никогда.

Эти две фундаментальные психологические установки — недооценка опасности антисемитизма в Германии и вера в особый «еврейский дух», соединяющий евреев в единый род — сопутствовали писателю всю его жизнь и во многом определили изображение евреев в его произведениях.

Литература

Feuchtwanger, Lion. Die Verudung der abendländischen Literatur. Centum Opuscula. Eine Auswahl, S. 483–488. Rudolstadt : Greifenverlag, 1956.

Karlweis, Marta. Jakob Wassermann. Mit einem Geleitwort von Thomas Mann. Amsterdam : Querido, 1935.

Mann, Thomas. An Jakob Wassermann, München, 2./3.4.1921. Briefwechsel mit Autoren, S. 475–478. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1988.

Mann, Thomas. Deutsche Hörer! 14. Januar 1945. Essays. Band 5: Deutschland und die Deutschen. 1938–1945. S. 257–259. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1996.

Mann, Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Band 15.2. Essays II. Kommentar. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2002d.

Mann, Thomas. Pariser Rechenschaft. Gesammelte Werke in zwölf Bänden, Band XI, Reden und Aufsätze 3, S. 9–97. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1960b.

Mann, Thomas. Tagebücher. 1918–1921. Herausgeben von Peter de Mendelssohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1979.

Mann, Thomas. Tagebücher. 1935–1936. Herausgegeben von Peter de Mendelssohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1978.

Mann, Thomas. Tagebücher. 1944–1.4.1946. Herausgeben von Inge Jens. Frankfurt a. M.: Frankfurt a. M., 1986.

Mann, Thomas. The Fall of the European Jews. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII, 494–498. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974d.

Mann, Thomas. Tischrede auf Wassermann. Rede und Antwort. Gesammelte Werke in einzelbänden. Frankfurter Ausgabe. Herausgeben von Peter de Mendelssohn, S. 399–404. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1984.

Mann, Thomas. Zum Problem des Antisemitismus. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII, Nachträge, S. 479–490. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974c.

Wassermann, Jakob. An Thomas Mann [zwischen 4. und 14.4.1921]. [авт. книги] Thomas Mann. Briefwechsel mit Autoren. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1988.

Wassermann, Jakob. Mein Weg als Deutscher und Jude. Berlin: Dirk Nishen Verlag, 1987 (erste Ausgabe 1921).

Апт С. К. Томас Манн. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1972.

Беркович Евгений. Братья Манн в «Двадцатом веке». Вопросы литературы. 2018, № 2.

Беркович Евгений. Двудесятилетний Волшебник. Ранние новеллы Томаса Манна и вопросы литературного антисемитизма. Нева. 2018а, № 5.

Беркович Евгений. Новелла Томаса Манна «Кровь Вельзунгов» и проблемы литературного антисемитизма. Нева. 2016, № 5.

Манн Томас. Тонио Крегер. Ранние новеллы, с. 267–334. М.: АСТ: Астрель, 2011d.

Манн Томас. Собрание сочинений в десяти томах. Том четвертый. Волшебная гора: Роман. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Ремарк Эрих-Мария. От полудня до полуночи (сборник). М.: АСТ, Neoclassic, 2014.